

№ 1868
396

№ 1868

Графъ Л. Н. ТОЛСТОЙ и М. И. ДРАГОМИРОВЪ.

— * —
„РАЗБОРЪ“ романа „ВОЙНА и МИРЪ“

В. Мопатина.

ЦѣНА ЗО КОП.

ВАРШАВА.

Въ Типографии Р. Бражинскаю, Домая № 5

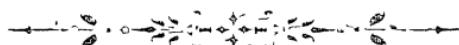
1900.

Графъ Л. Н. ТОЛСТОЙ и М. И. ДРАГОМИРОВЪ.

— — — — —

(„РАЗБОРЪ“ романа „ВОЙНА и МИРЪ“

В. Доланина.

ЦѣНА 30 КОП.

ВАРИАВА.

Въ Типографии Р. Бражинскаго, Долая № 5

1900.

Дозволено Цензурою

Варшава, 12 Октября 1898 года.

Помнится мнѣ, что не такъ давно графъ Левъ Толстой гдѣ-то высказалъ такого рода предположеніе: еслибы какое либо изъ его произведеній появилось въ печати подписанное не его громкимъ именемъ, а какимъ нибудь скромнымъ и никому неизвѣстнымъ, то навѣрное произведеніе это не возбудило бы и сотой доли того интереса, какой обыкновенно возбуждаютъ всѣ его творенія.

Это предположеніе графа Толстого мнѣ невольно пришло въ голову, когда я прочиталъ „Разборъ“ Драгомирова. Каковъ этотъ „Разборъ“ читатель можетъ судить по слѣдующимъ мѣстамъ изъ него.

Стр 56 , теоретическія воззрѣнія, принадлежащія собственно автору, носятъ на себѣ отпечатокъ односторонности, составляющей послѣдствіе сильной стороны его таланта, т. е. способности живописать отдѣльныя явленія. Всякій живописецъ для того, чтобы картина была вѣрна, долженъ рисовать ее съ одной точки. Если онъ строго соблюдаетъ при этомъ отношеніе свѣта и тѣни, изображеніе выходитъ до того художественно, что даетъ возможность дополнить воображеніемъ то, что находится и за этой, одной только, представленной стороной. Какъ всякое вѣрное воплощеніе идеи, такое изображеніе проявляетъ ее всю, не смотря на то, что воспроизводить только одну ея сторону. *Отъ этого и происходитъ, что художественное произведеніе наводитъ инойда критика на такія мысли, которыя самому ху-*

должнику можетъ быть и не приходили въ голову въ моментъ творчества.*)^{**)}“

Стр. 57. „Большинство живописцевъ—плохіе философы, и наоборотъ: почти всѣ философы — плохіе живописцы, разумѣя, конечно, живопись словомъ.. Бываютъ исключенія (въ родѣ Гете), но они до такой степени рѣдки, что за всю жизнь человѣчества ихъ считаются единицами. Лучшее подтвержденіе сказанному — Гоголь: всякий знаетъ пропасть, отдѣляющую первую часть его „Мертвыхъ Душъ“ отъ „Переписки съ друзьями.“ Сильный въ одномъ извѣстномъ напрavленіи, онъ потерпѣлъ полное фiasко, какъ только вздумалъ сойти съ этого напрavленія. Подобныя уклоненія не ограничиваются тѣмъ, что способный дать превосходные образы даетъ плохія отвлеченные разсужденія; они ведутъ дальше, ибо отражаются впослѣствии и на художественности самихъ образовъ, которые авторъ стремится, можетъ быть, невѣдомо для самаго себя**, вогнать въ мѣрку проводимыхъ имъ отвлеченныхъ воззрѣній. Никто, конечно, не поставитъ рядомъ у того же Гоголя хоть „добродѣтельнаго“ напр. откупщика Муразова, нравоучительнаго Констанжгло съ любымъ изъ героевъ первой части „Мертвыхъ душъ“. Тоже случилось и съ гр. Толстымъ, хотя не въ такой степени, и не дай Богъ, конечно, чтобы когда либо дошло до такой степени.***“

Надо имѣть въ виду, что это писалось 25 лѣтъ тому назадъ. Авторъ былъ тогда никому невѣдомымъ офицеромъ, военнымъ, — и замѣчательный „разборъ“ его прошелъ незамѣченнымъ и, повидимому, совершенно канулы въ лету, ибо громадное большинство читающей — и даже много читающей — публики совсѣмъ и не подозревало о существованіи этого „разбора“. Вдругъ въ 1895 году Авторъ — уже всѣмъ извѣстный высоко

---

*), **), ***) Курсивъ напис.

талантливый и въ высшей степени популярный генераль — вздумалъ издать свой „разборъ“ отдельной брошюрою. Брошюра эта, съ увѣренностью можно сказать, среди читающихъ и съдящихъ русскихъ людей вызвала истинный переполохъ. Вопросы и восклицанія въ родѣ: „да неужели Авторъ написалъ этотъ „разборъ“ около 30 лѣтъ тому назадъ?“ „Смотрите, да вѣдь Драгомировъ предсказалъ и предугадалъ современное направлѣніе Толстого!“ „Какъ же наши критики: Писаревъ, Добролюбовъ и Михайловскій проглядѣли этотъ „разборъ“!?. Да чего же смотрѣли наши почтенные толстые журналы?!...“ такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ

* * *

*

Теперь начинаю излагать тѣ мысли, которыя мнѣ приходили въ голову по мѣрѣ чтенія „Разбора“.

Стр. 1. „Если были цѣлые эпохи, убѣжденные въ томъ, что чѣмъ массы людей совершиеннѣе воспроизодятъ прямолинейныя и прямоугольныя геометрическія фигуры, тѣмъ войско лучше; чѣмъ солдатъ ближе къ автомату, тѣмъ онъ болѣе годенъ для дѣла. Если, повторяемъ, были подобныя цѣлые эпохи, то это ни чemu иному приписано быть не можетъ, какъ полному невниманію къ духовной дѣятельности человѣка, привыкшаго дѣйствовать въ массахъ, на боевомъ полѣ подъ вліяніемъ опасности“.

По поводу этой тирады скажу слѣдующее. Все зависитъ главнымъ образомъ отъ времени и мѣста. Напримеръ, если бы кавказскіе горцы были вымуштрованы такимъ манеромъ, то намъ труднѣе было бы справиться съ ними. Вообще Драгомировъ преувеличиваетъ значеніе нравственного и морального духа въ военномъ дѣлѣ. Въ тревности каждый римскій легіонеръ былъ разбойникъ и чуть ли не отребіе человѣческаго общества, но вымуштрованные римскіе легіоны почти всегда

были и обращали въ постыдное бѣгство, геронческо настроенныхъ, Галловъ и Германцевъ.

Готовыя уже патріотическая „римскія“ и полко выя традиціи наилучшимъ образомъ служили для воз бужденія и поддержанія у Римлянъ *надлежанію духа*. Однимъ словомъ, даже въ тѣ отдаленные времена, когда несовершенное оружіе дѣлало исходъ боя и даже пѣлой войны болѣе зависимымъ отъ индивидуальныхъ качествъ человѣка, — внѣшняя преимущество, какъ то: лучшее вооруженіе, болѣе совершенная тактика, болѣе тонкое знаніе военного искусства играли большую роль на войнѣ, чѣмъ преимущества внутреннія или духов ныя,—въ какомъ бы подъемѣ духа они не выражались.

Тѣмъ болѣе, по моему, въ настоящее время, пре восходство вооруженія и прочихъ материальныхъ вспомогательныхъ средствъ при численномъ превосходствѣ, въ предстоящей войнѣ будутъ имѣть первенствующее значеніе при условіи: чтобы *солдатъ былъ какъ можно ближе къ автомату*, сирѣчь болѣе склоненъ къ слѣпому повиновенію и къ безусловной вѣрѣ въ авторитетъ своего начальства, которое должно быть развито ужѣ индивидуально, и чѣмъ это развитіе выше и разностороннѣе, тѣмъ дѣло будетъ, конечно, лучше.

Солдата, представителя массы войскъ, въ нравственномъ отношеніи можетъ въ настоящее время воспитать не кратковременная военная служба, а сама жизнь съ своими национальными, соціальными и религіозными традиціями. Напримѣръ, русскій народъ, пока идеалами его будутъ православная вѣра и преданность престолу, всегда будетъ давать хорошихъ солдатъ, которые при хорошихъ начальникахъ будутъ способны къ самому идеальному дѣйствію даже и послѣ одного дічнаго обученія военной службѣ.

Касательно же тирады Драгомирова собственно противъ линейной тактики и увлеченія шагистикой скажу слѣдующее:

Линейная тактика имѣла въ свое время *громадное, преобладающее* значеніе: *постоянныя хорошия арміи должны были начать съ этого.*

„Война, и только одна война, вызываетъ то страшное и совмѣстное напряженіе всѣхъ духовныхъ сторонъ человѣка, въ особенности воли, которое показываетъ всю мѣру его моціи и которое не вызывается никакимъ другимъ родомъ дѣятельности.“

Давнишняя моя мечта — написать капитальное сочиненіе вообще о войнѣ, но для этого недостаточно одного вѣрнаго чутья и способности глубоко мыслить, а нужны и громадная эрудиція и основательное знаніе языковъ, чѣмъ, конечно, не можетъ обладать человѣкъ средняго образованія.

По моему, ничто такъ не способствуетъ прогрессивному развитію человѣчества, внѣдренію въ немъ благородныхъ и гуманныхъ идей, какъ война. Вся природа наполнена борьбой за существованіе, и борьба эта, по природѣ своей, вездѣ крайне подла, безчестна и безмилосердна. Война, — это, такъ сказать, борьба за существованіе *по правиламъ*, все болѣе и болѣе опредѣленнымъ и благороднымъ. Отдельные индивиды маленькихъ и большихъ обществъ, тайно и подло борющіеся изъ за хлѣба насущнаго другъ съ другомъ, изощряющіеся въ лицемѣрии и предательствѣ, имѣя въ виду борьбу съ общимъ врагомъ, вдругъ перерождаются: ненавистная зависть смѣняется любовью и готовностью на самопожертвованіе; послѣдній прохвостъ дѣлается героемъ и способнымъ на великолужные поступки. Однимъ словомъ вовремя войны народы упражняются въ благородныхъ и великодушныхъ поступкахъ (въ отношеніи къ своимъ отечествамъ и соотечественникамъ), причемъ, если вой-

на длится достаточно долго, гимнастика эта закладываетъ въ концѣ ковцовъ въ умахъ сильныхъ твердое желаніе прийти на помощьъ своимъ обиженнымъ и слабымъ, — что всегда практически и проявляется тотчасъ же послѣ войны.

Интересно пофантазировать: до какихъ геркулесовыхъ столбовъ развились бы подлость, мелкий эгоизмъ и взаимная ненависть въ любомъ современномъ человѣческомъ обществѣ, если бы оно получило твердуюувѣренность въ томъ, что оно навсегда гарантировано отъ всякаго нападенія извнѣ!

Вообще я убѣжденный поборникъ даже современного милитаризма единственного, по моему, пока уравнителя интересовъ труда и капитала. Предлагаю эту мысль разжевать, какъ слѣдуетъ, всякому, кто интересуется политической экономіей; я же, съ своей стороны поясню ее кратко. Военныхъ содержать — и хорошо содержать — не масса народная, а капиталисты, заводчики, фабриканты и т. п., вообще лица, платящіе за трудъ, работу. Напримеръ, если-бы Германія распустила 500 тысячъ своихъ солдатъ, они всѣ пріютились бы на фабрикахъ, заводахъ, въ имѣніяхъ и тому подобное и понизили бы заработную плату совершенно соотвѣтствующимъ образомъ, ибо, съ уничтоженіемъ военныхъ и вообще военного дѣла, обрабатываемая и всякая другая промышленность не увеличилась бы, а скорѣе на много уменьшились бы.

Любящимъ пофантазировать я напомню еще о распространеніи повсемѣстно машиннаго производства, удешевляющаго и совсѣмъ замѣняющаго трудъ масы людей.

Вообще интересно, какъ будуть разсуждать о современномъ милитаризмѣ политики-экономы, лѣтъ чрезъ полтораста, напримѣръ!..

Я уже не буду говорить о томъ, что война есть экзаменъ на аттестовать зрѣлости извѣстнаго народа, раскрываетъ извѣстныя темныя стороны общественной народной жизни и т. д., и т. д.,

* * *

Стр. 5. „Романъ гр. Толстого интересенъ для военнаго въ двоякомъ смыслѣ: по описанію сценъ военныхъ и войскового быта и по стремлению сдѣлать нѣкоторые выводы относительно теоріи военного дѣла. Первая, т. е. сцены, неподражаемы и, по нашему крайнему убѣжденію, могутъ составить одно изъ самыхъ полезнѣйшихъ прибавленій къ любому курсу теоріи военного искусства; вторые, т. е. выводы, не выдерживаютъ самой снисходительной критики по своей односторонности, хотя они интересны, какъ переходная ступень въ развитіи воззрѣній автора на военное дѣло.“

Напомню читателю, что мѣткое и вѣрное сужденіе это Драгомировъ далъ въ началѣ 60 годовъ.

* * *

*

На страницахъ 9, 10, 11, 12, 13 и т. д. Драгомировъ разбираетъ извѣстный эпизодъ съ Телянинымъ (укравшимъ кошелекъ у Ростова), причемъ, приступая къ этому, преподноситъ такое разсужденіе.

„А хотите знать, къ чему ведеть фальшивое убѣженіе, будто честь полка страждеть, если открывшагося въ немъ негодяя выгнать гласно, тѣмъ путемъ, который указываетъ законъ? Всякому извѣстно, что подобнаго господина, чтобы „не марать мундира“, спускаютъ втихомолку, чаще всего устраиваютъ ему переводъ (только не теперь, во всякомъ случаѣ). Затѣмъ въ части, изъ которой его спустили, его забываютъ, и дѣ-

лу конецъ; но относительно интереса всей войсковой семьи подобное спусканье является дѣломъ до такой степени злостнымъ, что, можетъ быть, сами господа спускатели содрогнулись бы, давъ себѣ трудъ мысленно прослѣдить послѣдствія своего ребяческаго взгляда на зависимость, будто бы существующую между репутацией, напр. полка и нравственными свойствами какой либо единичной личности, входящей въ составъ его.“

По моему, это разсужденіе Драгомирова вмѣстѣ со всѣми послѣдующими и съ заключеніемъ (стр. 16), узко и недальновидно, приличное болѣе штатскому чѣмъ истинно *военному* человѣку. (Впрочемъ, Драгомировъ тогда былъ сравнительно молодымъ офицеромъ.) Постараюсь доказать это.

Всякій *послуживший* военный согласится, что разсужденія и доводы штабъ-ротмистра Кирстена (убѣшившаго Ростова не подымать скандала изъ за пропажи кошелька) симпатичны, благородны и въ общемъ *практичны*; по нимъ смѣло можно заключить, что Кирстенъ — *отличный* офицеръ *хорошей* (имѣющей прекрасныя традиціи) арміи; для всякаго даже и не для военного, очевидно, что *въ общемъ* въ мирное и военное время десятокъ Кирстеновъ больше принесутъ пользу арміи, чѣмъ сотня Ростовыхъ. А если это такъ, то, не прибѣгая даже къ другимъ доказательствамъ, можно съ увѣренностью сказать, что Кирстеновскія представленія о чести полка не фальшивы, какъ полагаетъ Драгомировъ, а вполнѣ естественны и вѣрны. Но поразсуждаемъ еще немного на эту тему. Интересно, что вышло бы, если бы по желанію Драгомирова, сочувствуяющаго Ростову, Телянина предали бы суду на общихъ основаніяхъ, осудили бы и обвинили всенародно?! Не получился ли бы отъ этого публичнаго скандала громадный вредъ для полка, да по-

жалуй и для всей действующей армii? *Не упалися ли бы отъ этого и другихъ скандаловъ* (потому, если предали суду Телянина, то уже нужно и всѣхъ предавать за подходящie проступки) *престижъ и обаяніе* офицеровъ на нижнихъ чиновъ, которые у насть, слава Богу, любять своихъ офицеровъ и смотрятъ на нихъ какъ на *существа высшія*, не способныя на *извѣстнаго рода* (Телянинскiя) поступки (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ частяхъ, гдѣ честь мундира ревниво поддерживается офицерами и нижнимъ чинамъ ничего неизвѣстно про слушающiяся *домашнiя* грязныхъ исторiй)?

Я увѣренъ, что всякий *опытный* офицеръ дастъ безъ малѣйшаго колебанія утвердительные отвѣты на предложенные мною вопросы, и только какой-нибудь легкомысленный и распущенный штатскiй, въ родѣ Ростова, или только что выпущенный со школьной скамьи офицеръ, (не покившiй съ солдатомъ и не *проникшиi* въ *суть* отношенiй его къ офицерамъ) — могутъ, ничто же сумняющееся, съ апломбомъ проповѣдывать прописныя истины въ непонимаемой и незнакомой имъ средѣ и обстановкѣ.

И такъ, повторяю, при разборѣ Телянинскаго инцидента, по моему, сужденiю Драгомирова неосновательны и узки; мало этого: увлекаясь своими доказательствами о *фальшивыхъ* представленiяхъ о чести, Драгомировъ дошелъ въ концѣ концовъ даже до полнѣйшей наивности.

Стр. 17. „Закончимъ разборъ этого эпизода однимъ вопросомъ: принимая въ соображенiе то обстоятельство, что въ бою великие подвиги часто зависятъ отъ двухъ-трехъ человѣкъ въ родѣ Денисова, во сколько-бы обошлось полку отсутствiе его, предполагая серiозное дѣло? А вѣдь это отсутствiе, въ концѣ концовъ, произошло бы опять отъ того, что не рѣшились заклеймить Телянина, какъ онъ того заслуживалъ.“

Дѣло въ томъ, что Денисову предстояли слѣдствіе и судъ за отбитіе своего транспорта и оскорблѣніе интендантскаго чиновника Телянина. Легко раненый Денисовъ рѣшилъ лечь въ госпиталь и тѣмъ избѣжать всякихъ явокъ и прочихъ судебныхъ мытарствъ. Но Драгомирову, если бы Телянина своевременно закатали куда слѣдуетъ за покражу кошелька, то и Денисовъ не совершилъ бы никакого преступленія и остался бы въ рядахъ. Повторяю, это довольно таки наивно! Какъ будто отъ Телянина зависило благоустройство нашего Интендантскаго вѣдомства?

Нѣть, если по интендантской части и существовали злоупотребленія, то не отъ мошенниковъ Теляниинскаго пошиба, а много почище, которые такими пустяками, какъ кража кошельковъ заниматься не станутъ; наоборотъ, эти господа въ обыденной своей жизни ведутъ себя чисто и благородно, внушая всѣмъ уваженіе и симпатію.

На страницахъ 21, 22, 23 Драгомировъ, разбирая поведеніе Багратіона подъ Шенграбеномъ, въ тоже время высказываетъ свой взглядъ на управлѣніе *войсками въ бою*. При этомъ Драгомировъ и Толстой, оба преувеличиваютъ значеніе моральныхъ и нравственныхъ причинъ, совершенно почти игнорируя материальныя.

Стр. 23 „Князь Багратіонъ, какъ опытный полководецъ, понималъ, что въ бою для успѣха прежде всего нужно успокоить людей, а потомъ поддержать и укрѣпить въ нихъ довѣріе къ самимъ себѣ; и онъ дѣлаетъ то и другое — подавляеть чужое беспокойство и волненіе своимъ каменнымъ спокойствіемъ; находить всѣ распоряженія частныхъ начальниковъ хорошими и сообразными съ его намѣреніями, хотя это и не всегда было на самомъ дѣлѣ — дабы утвердить въ этихъ начальникахъ довѣріе къ самимъ себѣ. Онъ понималъ,

что пустившись въ исправлениі, всего бы не сдѣлалъ, а начальниковъ и войска неминуемо бы засуетилъ.

....Если князь Андрей и удивился видимой бездѣятельности князя Багратіона, то потому только, что онъ составилъ себѣ прямо противоположное дѣйствительности представлениe о томъ, что можетъ и чего не долженъ дѣлать въ бою Командиръ значительнаго отряда.“

На это я скажу кратко: въ бою съ *хорошимъ* противникомъ плохія распоряженія должны *немедленно* быть исправлены. Конечно, коли исправлять возьмется *неумный* и *суетливый* начальникъ, онъ больше напортить, чѣмъ поможеть дѣлу, такъ что ему, само собой разумѣется, лучше не вмѣшиваться ни во что, а предоставить все своему собственному теченію,—тѣмъ болѣе что для храбрыхъ и испытанныхъ войскъ можетъ оказаться иногда въ несложномъ бою (оборонительному при небольшомъ отрядѣ) вполнѣ достаточнымъ и одно *каменное* спокойствіе начальника. Во всякомъ случаѣ, даровитый и энергичный начальникъ всегда будетъ руководить боемъ, а слѣдовательно и часто *вмѣшиваться*, причемъ, конечно, вмѣшательство это, кроме пользы, ничего принести не можетъ.

*

*

*

Теперь относительно князя Андрея Болконского. Прежде всего, по моему, чтобы правильно судить объ Андреѣ, нужно признать тотъ фактъ, что Толстой изобразилъ въ романѣ князя Андрея, главнымъ образомъ для того, чтобы его устами имѣть возможность, гдѣ надлежитъ, высказывать свои собственные, *Толстовскіе*, взгляды и возврѣнія на происходящія события. Отъ того то князь Болконскій изъ всѣхъ дѣйствующихъ

лицъ романа менѣе всего *типа*, менѣе всего человѣкъ съ плотью и кровью; просто на просто это ходячая мораль и философія. Изображая съ художественной вѣрностью и съ историческою точностью события *тиганической* борьбы съ Наполеономъ, будучи при этомъ идеальными реалистомъ и объективистомъ (есть ли такое слово, не знаю), Толстой все таки не могъ, между прочимъ, черезъ князя Андрея попутно не проливать на все происходящее *своего* освѣщенія. Вотъ по этому критику, мнѣ кажется, и не долженъ особенно серьезно цѣцляться и прицираться къ князю Болконскому, какъ къ *герою* романа; вѣдь всякий Авторъ, изображая въ героя речана самого себя всегда до некоторой степени идеализируетъ его и сдѣлаетъ мало похожимъ на живого человѣка; и графъ Толстой, по моему, при всей своей гениальности, мало ушелъ впередъ въ этомъ отношении отъ другихъ менѣе даровитыхъ писателей. Драгомировъ же слишкомъ рассматриваетъ князя Андрея, какъ типичное самостоятельное лицо и при этомъ несправедливо, по моему, относится къ нему *несочувственно* и даже *враждебно*; особенно какъ къ военному человѣку. Мнѣ кажется, что князь Андрей, во всякомъ случаѣ, достоинъ симпатіи, ибо онъ вездѣ выказываетъ себя честнымъ, умнымъ, прямодушнымъ человѣкомъ, а какъ военный, *храбрымъ и полезнымъ* офицеромъ Съ яроніи относится (стр. 24 и 25) къ военному образованію и взглядамъ князя Андрея, которые онъ долженъ былъ якобы иметь, явившись на театръ военныхъ дѣйствій, Драгомировъ, между прочимъ, опять поддается всегдашнему своему влечению нападать на известные выработанные приемы тактики и стратегіи и ставить на *первый планъ* въ военномъ дѣлѣ моральные и нравственные качества войскъ.

Конечно, никто не станетъ отрицать громадное значение нравственного или морального элемента воо-

бще въ военномъ дѣлѣ, но *при разборѣ известныхъ военныхъ дѣйствій* иногда приходится совсѣмъ не счи-таться съ нравственными качествами воинъ, прини-мавшихъ участіе въ кампанії.

Такъ, напримѣръ, героическая Наполеоновская эпоха выработала *совершенно равномѣрно* по пестинѣ богатырскій духъ во всѣхъ арміяхъ рѣшительно, при-нимавшихъ тогда участіе въ какой-либо войнѣ. Начи-нала даже съ 96 года (гдѣ Австрійцы, *погидимому*, дѣй-ствовали со срамомъ, ибо въ теченіе года Наполеонъ разгромилъ нѣсколько армій, изъ коихъ каждая пре-вышала его собственную въ полтора или два раза) какъ Французы, такъ и *всѣ* ихъ противники всегда дѣй-ствовали героически.

Успѣхъ или неуспѣхъ сраженій постоянно завис-ѣлъ отъ умѣнья руководить *всегда молодецкими**) вой-сками.

При Аустерлицѣ 50 тысячъ Русскихъ и Австрій-цевъ были разбиты и побѣжали отъ 8 тысячъ Францу-зовъ не потому, что кто-то крикнулъ: „мы отрѣзаны“, какъ высказывается, между прочимъ, князь Андреи во время своего долгаго, стр. +2, разговора съ Пьеромъ (здесь Толстой пользуется Андреемъ, чтобы высказать свой взглядъ), а потому, что были *безобразно* руково-димы. Пять, шесть тысячъ тѣхъ же Русскихъ (изъ бѣ-жавшихъ подъ Аустерлицомъ) подъ Шенграбеномъ ока-зали героическое и *успѣшное* сопротивленіе 30 тыся-чамъ Французовъ, неумѣло руководимыхъ безтолковымъ Мюратомъ. (Не *главный ли* это причина *успѣши-ности* для насъ боя подъ Шенграбеномъ!?).

---

*) Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ надлежашемъ боевомъ и нравственномъ духѣ даже Прусаковъ въ 1806 г., съ которыми тогда Наполеонъ справился почти безъ всякихъ усилий.

Стр. 25. „Обратимся теперь къ теоретической подготовкѣ, какую могъ получить кн. Андрей въ своихъ военныхъ взглядахъ. То было время господства геометрическихъ теорій въ военномъ дѣлѣ. Шолагали, что все стратегическое и тактическое знаніе можно свести къ нѣсколькимъ геометрическимъ чертежамъ, заключить его, следовательно, въ рамки точной, вполнѣ определенной науки. Какъ получить перевѣсь надъ непріятелемъ на театрѣ войны? Нужно имѣть охваты вавоющую базу и объективный уголъ въ 90 градусовъ; отступать по расходящимся отъ непріятеля дорогамъ, наступать къ нему—по сходящимся. Какъ разбить на полѣ сраженія? На бѣду въ этихъ простыхъ и ясныхъ теоріяхъ проглядѣли самую мелочь, т. е. человѣка со всѣми его слабыми и сильными нравственными сторонами; распорядились, однимъ словомъ, такъ, какъ будто вся война происходитъ не въ полѣ, а на доскѣ; линіями и углами, выводимыми мѣломъ, а не составленными изъ людей (то есть, сами того не замѣчая, изъ стратегіи и тактики сдѣлали стратегическую и тактическую геометрію). Само собою разумѣется, что, чѣмъ сказанныя теоріи были одностороннѣе, тѣмъ логическое построеніе ихъ было строже и, тѣмъ сильнѣе была уверенность людей, усвоившихъ эти теоріи, въ томъ, что они знали, что такое война и какъ ее дѣлаютъ. Наталкиваясь на факты, опрокидывавшіе ихъ ребяческие углы и линіи, эти люди, конечно, должны были находить не то, что они ошибаются, а что дѣло ведется не такъ какъ слѣдуетъ“.

Очевидно здѣсь Драгомировъ опять мечеть громы противъ линейной тактики, которую Наполеонъ засталъ у противниковъ въ началѣ своей военной карьеры. Я уже сказалъ нѣчто о значеніи въ свое время линейной тактики. Повторю теперь тоже самое только съ нѣкоторымъ добавленіемъ.

Линейная тактика въ свое время имѣла *громадное*, преобладающее значение: *постоянныя, хорошия* арміи должны были начать съ этого: тактика эта выдрессировывала и дисциплинировала—именно сложностью и хитростью своихъ построений и военныхъ эволюцій—разнуданныя толпы рекрутовъ, бравшихся по большей части изъ подонковъ общества. Лучшіе полководцы 17 и 18 столѣтій, Валленштейнъ, Евгений Савойскій и Фридрихъ Великій (особливо послѣдній) отлично понимали это, почему и выказывали самую требовательную строгость относительно своихъ войскъ, при выполненіи ими самыхъ мелочныхъ и повидимому, совершенно бесполезныхъ и излишнихъ подробностей тогдашней военной службы. Въ результатѣ получалась та „желѣзная“ дисциплина, которая дѣлала, напримѣръ, напудренныхъ, съ косами, автоматическія войска Фридриха Великаго первыми въ мірѣ. Одинъ только Густавъ Адольфъ умѣлъ поддерживать дисциплину въ арміи не одною лишь строгостью, а также и нравственнымъ и религіознымъ воздействиѳмъ, да и то воздействиѳ это примѣнялъ онъ только относительно своихъ набожныхъ и, сравнительно, менѣе испорченныхъ и разнуданныхъ Шведовъ.

Продолжая разбирать отношеніе Драгомирова къ князю Андрею Болконскому, не могу здѣсь до некоторой степени не повториться. Приходится поговорить еще разъ по поводу длинной тирады князя Андрея (стр. 41, 42, 43 и 44) относительно Дриссенскаго военнаго совѣта (часть разсужденій князя Болконскаго,— сужденіе объ Аустерлицкомъ сраженіи,— я уже приводилъ.) Повторяю: для всякаго, по моему, ясно, что тирада эта вложена князю Андрею графомъ Толстымъ съ единственою цѣлью высказать *свой* взглядъ на военное искусство; Драгомировъ же, забывая или не имѣя въ виду, что князь Андрей не типъ, а скорѣе нужное Толстому говорящее лицо, приписываетъ изліянія кня-

зя Болконского разлитю въ немъ желчи, посль неудачной попытки попасть въ Наполеоны (стр. 44). Такъ, что и дальнѣйшее (стр. 45, 46, 47, 48, 49, 50 и 51) критическое отношеніе къ князю Андрею Драгомирову смѣло могъ бы перенести на самого гр. Толстого. Рассужденія Драгомирова при этомъ прямо великопѣнны; для примѣра приведу нѣкоторыя цѣликомъ. Стр. 46 и 47.

„Въ настоящее время никому въ голову не придетъ утверждать, будто можетъ быть *военная наука*; она немыслима точно также, какъ немыслимы науки: поэзіи, живописи, музыки; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы не было теоріи военного искусства, точно также, какъ она существуетъ во всякомъ мирномъ искусствѣ. Теорія въ этихъ послѣднихъ искусствахъ не дѣлается Рафаэлѣй, Бетховеновъ, Гёте, но она даетъ имъ технику дѣла, безъ которой они никогда не могли бы подняться на ту высоту, которой достигли. Теорія военного дѣла не претендуетъ готовить не только Наполеоновъ, но даже и Тимохиныхъ; но она утверждаетъ въ знаніи свойствъ войскъ и мѣстности; она указываетъ на образцы творчества въ военной области и, слѣдовательно, облегчаетъ путь тѣмъ, кто отъ природы одаренъ военными способностями.

Если прибавить къ этому, что она со всею искренностью признаетъ свое бессиліе изслѣдовать третью и самую страшную данную въ военномъ дѣлѣ—данную случайностей; что она признаетъ свою немощь указать сно-ровки управления себѣ подобными,—то и окажется, что теорія военного искусства имѣеть весьма нешуточное значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ не даетъ человѣку успокоиться на мысли, будто онъ знаетъ *все дѣло*, узнавъ только *часть* его (какъ то случалось съ изучавшими „научные“ теоріи военного дѣла, появившіяся въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія). Рецептовъ на то, какъ созидать Аустерлицы, Фридланды, Ваграмы, Швей-

царсьіе походы 99 года, Кенігрецы,—теорія военного дѣла не даетъ; но она представляетъ эти великие образцы военного творчества для изученія военному человѣку, подобно тому какъ живописецъ, музыкантъ, поэтъ изучаютъ великие образцы, каждый въ своей специальности: не для того, чтобы иметь буквально подражать, но для того, чтобы проникаться ихъ духомъ.“

Чтобы покончить съ княземъ Андреемъ Болконскимъ, упомяну еще разъ про его положительные качества, игнорируемыя Драгомировымъ, —которымъ онъ остался вѣрить до конца своеи жизненной карьеры: это прямодушіе и правдолюбіе (вспомните, какъ онъ старался выручить Тушина), а также его безусловная храбрость, переходящая въ *нужные* моменты просто даже въ героическое мужество (Шенграбенъ, Аустерлицъ, Бородино).

* * *

*

Теперь я хочу поговорить съ вами, читатели, о *храбрости*, какъ я ее понимаю.

Извѣстно, что гр. Толстой восхищается подвигомъ Тушина и преклоняется передъ его скромнымъ героизмомъ, очевидно ставитъ героизмъ этотъ выше и блестящей храбрости Васьки Денисова и спокойнаго, хладнокровнаго мужества князя Андрея. Мало этого, Тупинскую храбрость Голстай считаетъ *русскою* храбростью, т. е. свойственною главнѣйшимъ образомъ русской натуры и характеру. Пожалуй послѣднее и такъ, но гордиться этимъ Русскимъ людямъ нечего, потому что, по моему, Тупинская храбрость—храбрость низшаго сорта и порядка. Дѣло въ томъ, что Тушинъ, выказалъ храбрость *пассивную*, невольную, то есть, такую, какую въ положеніи Тушина во всякой дисципли-

нированной европейской арміи могутъ проявить 999 человѣкъ изъ тысячи. Тушинъ, такъ сказать, вошелъ во вкусъ обороны извѣстнаго мѣста, и, въ концѣ концовъ, онъ и вся его команда не замѣчали и не думали объ опасностяхъ, какія имъ грозили.

Не помню, читалъ ли я гдѣ или слышалъ отъ кого такого рода анекдотъ о Шиблинской оборонѣ.

Какой-то нашъ кореспондентъ (вѣроятно, Глѣбъ Успенскій или Немировичъ Данченко) посѣтилъ подвижной лазаретъ, наполненный ранеными. Кореспондентъ этотъ разговаривалъ съ какимъ-то солдатомъ, раненымъ на Шибкѣ. Между прочимъ, выражая свое удивленіе храбости и героизму защитниковъ Шибки, кореспондентъ просилъ раненаго разсказать, какимъ образомъ онъ съ своими товарищами отстаивалъ такъ долго Шибку; „очень просто—отвѣчалъ раненый—Турки лѣзли, а мы ихъ не пущали.“

Не тоже ли самое дѣлалъ Тушинъ и его команда. И, будь Тушинъ по натурѣ очень храбрымъ человѣкомъ или самымъ обыкновеннымъ (лишь бы былъ не трусомъ), и, состоя вся команда его изъ людей самыхъ обыкновенныхъ или самыхъ храбрѣшихъ, все они, защищаясь на одномъ мѣстѣ и совершенно *однообразно*, однаково бы „не пущали“ до послѣдняго человѣка, лѣзшаго на нихъ, Француза. Однимъ словомъ, какъ Русскіе на Шибкѣ, какъ Турки подъ Плевной, такъ и Тушинъ подъ Шенграбеномъ выказывали пассивную храбрость, на которую *способны* самые заурядныя войска и самые обыкновенные средніе люди. Другое дѣло—тѣ же Турки на Шибкѣ и Русскіе подъ Плевной, хотя и дѣйствовали *неуспѣшино*, но показали себя тѣмъ не менѣе, *дѣйствительно, храбрыми и способными* на все—при условіи хорошаго командованія—войсками. Дѣло въ томъ что въ данныхъ случаяхъ Турки и Русскіе „*мѣзли*“ и

при томъ „*здороово лѣзли*“^{*)} и что, способы только *хорошія* войска и въ отдѣльности выдающеся храбрости люди. Однимъ словомъ, на этотъ разъ Турки и Русскіе выкзываали уже *активную* храбрость, то есть храбрость Васьки Денисова, Долохова и князя Андрея II, во всякомъ случаѣ, не, медленно загорающуюся и поддерживающую однообразіемъ дѣйствія и опасности, храбрость Тушина.

Для болѣе яснаго доказательства моей мысли приведу такой примѣръ.

Положимъ, гдѣ-нибудь въ Африкѣ или Америкѣ на какой-нибудь отдельный блокгаузъ съ колонистами сдѣлала нападеніе шайка туземцевъ. Допустимъ, что колонистовъ десять человѣкъ, а нападающихъ въ десять разъ больше. Ясно для всякого, что колонисты все до единаго, независимо отъ того, будуть ли они все очень храбрые люди, или люди средней храбрости или даже совсѣмъ робкаго дѣлѣка — способны защищаться до послѣдней капли крови, до послѣдняго человѣка. Нападающіе же — разъ для нихъ вмѣнилось, что за известной чертой они должны покинуть каждый шагъ дорогою цѣною — для успѣха атаки нукии въ достаточномъ количествѣ вѣдаю цѣйся храбрости люди, которые не боялись бы перенагнугь эту роковую черту. Понятно, что на это окажутся способными только избранные люди, могутъ съиграть роль *барановъ въ стадѣ*, то есть люди съ активной храбростью, въ ро-

---

^{*)} На Шибкѣ отъ русскихъ валповъ ложились цѣлые батальоны Турокъ и, все-таки, возбуждаемые своими героями-офицерами, Турки продолжали, презирая смерть и не взирая на цѣлія тучи свинца, цѣлый день „*битъ въ Шибку лбомъ*.“ Подъ Плевной, не смотря на безпримѣрный въ 19 столѣтіи уронъ (падалъ второй человѣкъ изъ наступающихъ), Русскіе лѣзли и лѣзли пока не услышали сигналовъ отступленія.

дѣ Денисова, Долохова, князя Андрея, а укъ никъ не Тушина.

Не знаю, какъ для другихъ, для меня это ясно, какъ дважды два—четыре. Но что русскій человѣкъ,—можетъ быть пока только,—по натурѣ своей болѣе способенъ къ проявленію Тучинской стойкости и упорству, чѣмъ къ завлекающему порыву (французскому *élan*) Денисова или къ надменно презрительному равнодушію къ опасностямъ—при исполненіи долга (англійская храбрость)—князя Андрея — это вѣрно. По этому то русскіе войска и не имѣютъ равныхъ себѣ соперниковъ въ оборонительному бою, гдѣ для успѣха боя требуются именно стойкость и упорство. Цорндорфъ, Шенграбенъ, Смоленскъ, Бородино, Ваграмъ, Альма (гдѣ мы были вооружены чуть не палками и тѣмъ не менѣе, разстрѣливаемые почти безнаказанно, долго отстаивали позицію), оборона Севастополя, отстаивание Шибкѣ и защита Баязета — вотъ *безусловно славнейшія* имена нашей военной исторіи.

* * *

*

Третья глава „Разбора“ можно сказать, превосходна. Съ однимъ лишь нелья согласиться съ Драгомировымъ въ этой главѣ: съ его разсужденіями о войнѣ, заканчивающимися слѣдующими словами (стр. 60): „Война — явленіе, огъ человѣческой воли *независящее*: не даромъ Прогоръ называлъ ее „*травматической эпидеміей*.“

Это уже не вѣрно потому, что съ каждымъ годомъ война все болѣе и болѣе является дѣломъ *простого расчета*; примѣрами могутъ служить всѣ побѣдносныя войны Пруссаковъ за послѣднее время и теперешнее нападеніе Соединенныхъ Штатовъ на Испанию.

Въ слѣдующихъ: четвертой, пятой и шестой главахъ „Разбора“, гдѣ Авторъ почти исключительно разбираетъ и критикуетъ филосовскую часть романа,

разсужденія Драгомирова по прежнему увлекательны и интересны. Приведу для образца заключеніе. „Авторъ очутился именно въ такомъ положеніи. Если читатель припомнить, для него *связь между руководителями и массами не найдена*; между именами, господствующими въ данную эпоху, и тѣми же массами—тоже не найде на; приказанія, очевидно клонящіяся къ осуществленію одной известной цѣли, не имѣютъ между собою рѣшительно ничего общаго и т. д. Не напоминаетъ ли это химика, который, съумѣвъ разложить воду и не зная какъ составить ее, вздумалъ бы утверждать, что ее и нѣть въ природѣ, а что есть только кислородъ и водородъ—газы совершенно по своимъ свойствамъ различные и неимѣющіе между собою ничего общаго?“

По моему, только удивительное одно. Какъ Драгомировъ, будучи современникомъ и даже однолѣткомъ нашего знаменитаго романиста, не замѣтилъ, что *вся философія* романа „Война и Миръ“ есть слѣдствіе *непосредственнаго* впечатлѣнія Бокля на Толстого. Для меня, напримѣръ, *теперь* это совершенно ясно и очевидно. Я даже убѣжденъ въ томъ, что и самая идея о такомъ большомъ романѣ—хроникѣ была слѣдствіемъ *только что* прочитанного труда великаго англійскаго мыслителя.

Для доказательства я приведу слѣдующія мѣста изъ Бокля*).

Стр. 25. „Тѣмъ изъ читателей, которые знаютъ, какія отступленія отъ законовъ природы постоянно случаются въ мірѣ физическомъ, конечно, будетъ неново встрѣтить такія же отступленія и въ мірѣ нравственномъ. Неправильности, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, происходятъ оттого, что второстепенные

---

*) „Исторія цивилизаціи въ Англії“, пер. А. Буйницкаго и Ф. Ненарокомова, изд. 1866 года.

законы, вслѣдствія на извѣстныхъ путькахъ съ главными, измѣняютъ иѣсколько ходъ ихъ нормальаго дѣйствія. Хорошій примѣръ этого представляеть механика въ своей прекрасной теоріи, называемой параллелограмомъ спль, по которой силы относятся одинъ къ другимъ, какъ дiагонали ихъ параллелограмовъ. Законъ этотъ богатъ послѣдствіями; онъ находится въ связи съ сложеніемъ и разложеніемъ силъ, этими важными вспомогательными средствами въ механикѣ, и нико изъ тѣхъ, кому извѣстны данныя, на которыхъ основанъ этотъ законъ, никогда и не думалъ сомнѣваться въ его справедливости. Но съ той минуты, какъ мы начинаемъ примѣнять его на практикѣ, мы замѣчаемъ, что дѣйствіе его искажается подъ влияніемъ другихъ законовъ.... Подъ такими искаженіями чистое, простое дѣйствіе закона исчезаетъ. Но, не смотря на *частные неправильности въ проявленіи закона*, самъ законъ все-таки остается *неприкосновеннымъ*.“

Стр. 27. „Для тѣхъ, кто твердо сознаетъ правильность явлений и кто прочно усвоилъ себѣ ту великую истину, что дѣйствія людей, исходя отъ предшествовавшихъ и ихъ причинъ, въ дѣйствительности, никогда не бывають непослѣдовательны и что, при всей кажущейся произвольности своей, они составляютъ часть одной обширной системы всеобщаго порядка, которой, при настоящемъ состояніи знанія, мы можемъ видѣть одно лишь начертаніе; для тѣхъ, кто понимаетъ эту истину, составляющую какъ ключъ, такъ и основаніе исторіи, приведенные нами выше факты далеко не покажутся странными, а представляются тѣмъ именно, чего можно было ожидать и что давно уже должно было быть извѣстно. И въ самомъ дѣлѣ, въ виду тѣхъ быстрыхъ и положительныхъ успѣховъ, которые начинаетъ дѣлать изысканіе, я почти не сомнѣваюсь, что не пройдетъ столѣтія—и рядъ доказательствъ дополнится, и бу-

деть также трудно найти историка, отрицающего неуважительную правильность въ мірѣ нравственномъ*), какъ теперь трудно найти философа, отвергающаго правильность въ мірѣ материальномъ"... И такъ дѣлѣ до конца, Общаго введенія."

Только увлеченіемъ Толстого мыслями, выраженнымыи въ только что приведенныхъ выпискахъ изъ „Исторії Цивилизації“ и можно объяснить слѣдующія мѣста изъ „Войны и Мира.“

(Стр. 102 Разбора). „То, что Наполеонъ согласился съ Мутономъ и войска пошли назадъ, не доказываетъ того, что онъ приказалъ это, но что**) силы, дѣйствуючія на всю армію, въ смыслѣ направленія ся по Можайской дорогѣ, одновременно дѣйствовали и на Наполеона.“

Стр. 97, Только допустивъ безконечно малую единицу для наблюденія—дифференціаль исторіи, т. е. однородныя влеченія людей, и достигнувъ искусства интегрировать (брать суммы этихъ безконечно малыхъ), мы можемъ надѣяться на постигновеніе законовъ исторіи "...

Изъ всего сего явствуетъ, между прочимъ, то, что не слѣдуетъ особенно накидываться на философскую, —т. е. совершенно слабую сторону романа „Война и Миръ.“ Большая или меньшая туманность разсужденій Толстого прямо зависѣла отъ степени тогданинѣю увлеченія его Боклеемъ; надо при этомъ еще иметь въ виду, что великий романистъ всегда считалъ, считаетъ и будетъ считать себя (совершенно ошибочно, конечно) болѣе философомъ, чѣмъ художникомъ.

*

*

*

*] Собственно соціальному.

*] Курсивъ нашъ.

Теперь я хочу поговорить съ читателемъ, и, по возможности, поподробнѣе о Наполеонѣ — собственно объ его, всѣми признаномъ, военномъ геніи. Такимъ родомъ, я, не разбирая каждое мѣсто въ отдѣльности, отвѣчу сразу на многія, сомнительныя для меня, положенія и утвержденія, какъ Драгомирова, такъ и графа Толстого.

Начну съ дикаго заявленія. По моему, *въ общемъ* Наполеонъ вовсе не былъ великимъ полководцемъ. Простѣдивъ всю его военную карьеру, я совершенно убѣжденно нахожу, что онъ, выражаясь вульгарнымъ слогомъ, — былъ „молодецъ противъ овецъ, а противъ молодца зачастую бывалъ и самъ овцой.“

Необыкновенные внѣшнія обстоятельства, феноменальное счастье (о которомъ я еще поговорю ниже) и колоссальная ошибка бездарныхъ противниковъ *главныйшимъ образомъ* способствовали его небывалымъ успѣхамъ и возвеличенію; природная изворотливость и ловкость Наполеона, штальянца по происхожденію и авантюриста-кочдогьери по натурѣ, помогали ему какъ нельзя лучше пользоваться промахами и грубыми ошибками своихъ, какъ политическихъ, такъ и военныхъ противниковъ.

* * *

*

Имѣя противниками чуть ли не столѣтнихъ старцевъ, выжившихъ изъ ума, Наполеонъ дѣлаетъ свои двѣ самыя блестящія кампаниі—96 и 1806 годовъ.

Подъ Аустерлицемъ союзники сами себя разбили, такъ сказать, играли „въ поддавки“, подставляя подъ удары изумленныхъ Французовъ свои корпуса; уже въ самомъ началѣ боя всѣ русскіе генералы, съ одной

стороны, и всѣ австрійскіе съ другой—недовѣрявшіе и презиравши другъ друга,—смутно чувствовали, что впухли въ грязную исторію.

Императоръ Александръ I, на военномъ совѣтѣ передъ Аустерлицкомъ сраженіемъ, очевидно, на столько былъ увлеченъ доводами краснорѣчиваго Вейротера, типичнѣйшаго „моментъ“ австрійской арміи, что совершенно пренебрѣгъ явнымъ недовѣріемъ къ сложной австрійской диспозиціи своихъ бравыхъ и, въ строевомъ отношеніи, довольно опытныхъ генераловъ; съ точки же зрѣнія австрійскаго генеральна Штаба генералы эти были круглыми невѣждами въ военномъ дѣлѣ, почему и третировались чуть ли не en canaille во время прежній увлекшимся не въ мѣру Вейротеромъ.

Очевидно, прекрасный, но въ высшей степени сложный планъ, предложенный Вейротеромъ, не могъ быть чисто выполненъ экспромтомъ: удачное выполнение сложной и хитрой диспозиціи можно встрѣтить развѣ только на маневрахъ,—и то „по колышкамъ“, послѣ нѣсколькихъ репетицій. Наполеонъ подъ Аустерлицемъ тотчасъ же замѣтилъ разрозненные дѣйствія непріятельскихъ отрядовъ и, имѣя всѣ свои силы „въ кулакѣ“, не замедлилъ приступить къ истребленію ихъ по одиночкѣ. Однимъ словомъ, въ высшей степени благопріятный случай, даѣь возможность Наполеону одержать свою величайшую побѣду, почему, по справедливости, и нельзя считать ее доказательствомъ великаго военнаго гenія названнаго полководца.

Счастливый случай также помогъ одержать Наполеону и другую, не менѣе славную, великую побѣду при Маренго. Послѣ долгаго и упорнаго боя великому полководцу, какъ извѣстно, грозило страшное пораженіе, какъ вдругъ на поля битвы появляется генералъ Дезе съ 500 кавалеристовъ, и, торжествующіе уже по-

бѣду, Австрійцы обращаются въ бѣгство и проигрываютъ сраженіе.

Здѣсь кстати замѣтить, что Наполеону замѣчательно везло *въ началѣ* его военной и политической карьеры; на это обстоятельство даже указываютъ и многие историки утверждая, что, послѣ развода съ Жозефиной, счастье покинуло великаго человѣка. Конечно, при этомъ привести массу примѣровъ въ доказательство этого обще принятаго мнѣнія, но я остано влюсь лишь на случаѣ съ Дезе.

Счастливое и случайное*)) появленіе этого генерала не только превратило пораженіе въ величайшую победу, но и кончило кампанію блестящимъ для Наполеона миромъ. Теперь возьмемъ конецъ военной карьеры великаго человѣка (когда уже счастье было противъ него)—сраженіе при Ватерлоо.

Здѣсь Наполеонъ имѣть полное право ожидать появленіе маршала Груши въ концѣ боя, но вместо него на поле сраженія явле ся, во всякомъ случаѣ, менѣе ожидаемый Блюхеръ съ Пруссаками, и въ результатѣ, вместо начавшагося уже поголовнаго истребленія Англичанъ, полное пораженіе французской арміи и конецъ политической и военной карьеры великаго человѣка.

Но будемъ продолжать.

Разъ Наполеону приходилось имѣть дѣло съ достойными противниками, военные успѣхи его дѣлаются все болѣе и болѣе сомнительными.

---

*] Боюсь, что за это выраженіе на меня накинется какая нибудь „специалистъ“.

Съ Бенигсеномъ уже справиться было куда труднѣе, чѣмъ съ престарѣлыми прусскими генералами подъ Іеной и Ауэрштедтомъ.

Въ высшей степени упорная и нерѣшительная битвы подъ Пултусскомъ и Прейсишъ-Эйлау впервые показали всему свѣту, что и Наполеонъ легко можетъ спасовать, имѣя дѣло съ храбрымъ и мужественнымъ противникомъ, преводительствуемымъ умнымъ и энергичнымъ полководцемъ; и еслибы не Фридландская мышеловка, гдѣ Беннигсенъ оплотпалъ и самъ подставилъ подъ удары Наполеона свою армію, неизвѣстно еще, чѣмъ бы кончилась затянувшаяся*) кампанія.

Еще труднѣе было справиться Наполеону въ 1809 году съ Австрійцами, имѣя дѣло съ даровитымъ полководцемъ эрцгерцогомъ Карломъ.

Въ 12-мъ году Наполеонъ нарывается на *мудрый* планъ кампаниіи Русскихъ,—составленный образованнѣмъ и умнымъ Барклаемъ де-Толли,—и военный геній его оказывается на недостаточной высотѣ, чтобы парализовать этотъ планъ извѣстнымъ ограниченіемъ движенія своей громадной арміи въ самую глубь Россіи; въ результатѣ постепенное и *неизѣльжное таяніе* многочисленныхъ полчищъ, оказавшихся все-таки въ недостаточномъ количествѣ для такого длиннаго похода по бѣдной и опустошенной странѣ. Вѣроятно, Наполеонъ и лохъ зналъ военную французскую исторію, а то бы долженъ, быть имѣть въ виду неудачное нашествіе Исланцевъ (во время войнъ Карла V и Франциска I) на Францію; Французы, предводительствуемые герцогомъ Монморансі, дѣйствовали тогда точь въ точь, какъ поступали Русскіе въ 12 году, и въ результатѣ

---

*] Начавшая уже приводить въ ужасъ Наполеона и его войска.

вторжение Испанцевъ окончилось почти совершеннымъ истреблениемъ ихъ отборной*) 60 тысячной арміи, погибшей отъ болѣзней, голода, утомительныхъ переходовъ по разоряемой странѣ и партизанскихъ дѣйствій французскихъ отрядовъ.

Вообщѣ въ кампаніи 12-гo года Наполеонъ совершилъ цѣлый рядъ крупнѣйшихъ ошибокъ, отозвавшихся самымъ гибельнымъ образомъ на всей его жизненной карьерѣ.

Во первыхъ, для похода въ обширную и мѣдленно-селенную бѣдную страну, съ имѣвшимися въ виду предпріятіями на Москву и Петербургъ, Наполеонъ взялъ слишкомъ мало войска—великий полководецъ долженъ былъ предвидѣть, что войска этого обязательно не хватитъ на такое большое и дорогое путешествіе. Во вторыхъ, если ужъ Наполеонъ рѣшилъ двигаться на Москву, то это нужно было дѣлать быстро и энергично,—не задерживаясь въ Витебскѣ**); при томъ зная суровый климатъ Россіи, нужно было начать войну по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ раньше,—чтобы, во всякомъ случаѣ, было обеспечено отступленіе, въ случаѣ неудачи.

Далѣе, подъ Бородинымъ онъ долженъ былъ все что бы то ни стило разбить насъ на голову. (Въ этомъ сраженіи Русскихъ было не больше Французовъ, предводительствуемы они были не важно, почему великому полководцу, съ лучшей въ мірѣ арміей, не дол-

---

*) Надо имѣть, между прочимъ, въ виду, что въ XVI столѣтіи испанскія войска считались лучшими въ мірѣ; лучше даже знаменитыхъ швейцарцевъ.

**) Гдѣ онъ могъ оставить всѣхъ больныхъ и слабыхъ съ прикрытиемъ; съ остальными же войсками—давь имъ только самый необходимый отдыхъ—немедленно двигаться дальше, Такъ навѣрное поступилъ бы Суворовъ.

жно было это представиться особенно труднымъ). Поражение Русскихъ было необходимо Наполеону, такъ какъ навѣрно бы доставило ему почетный и необходимый миръ съ Россіей. Необходимость мира должна была быть *великому* полководцу безусловно очевидна, потому что у Бородина, до сраженія еще, уже совершенно выяснилось, что длинное путешествіе было предпринято не съ надлежащими средствами.“) Однимъ словомъ, подъ Бородинымъ Наполеонъ долженъ былъ пустить въ ходъ свою гвардію, вообще *всѣ* свои резервы, чтобы наконецъ сломить и поразить Русскихъ. Чутье *великаго* полководца должно было бы подсказать ему, что тутъ именно насталъ такой моментъ, когда *все* должно быть поставлено на карту, какъ говорится: „панъ или пропалъ“. Такъ поступили бы безспорно на мѣстѣ Наполеона Цезарь, Фридрихъ Великій, Суворовъ и другіе, немножко менѣе, великие полководцы. Но въ томъ то и дѣло, что подъ Бородинымъ у Наполеона именно и не проявилось вдохновенія и полнаго самоувлеченія *великаго военнаю человѣка*; имъ всецѣло овладѣли лишь боязливыя соображенія узурпатора, авантюристка кондотьери, за свою карьеру.

* * *

*

Кампанію 1813 года, игру такъ сказать, тоже „по крупной“ Наполеонъ вель изъ рукъ вонъ плохо; въ ней онъ допустилъ массу упущеній и промаховъ: Между прочимъ: 1) Подъ Кульмомъ бросилъ на произволъ судьбы и оставилъ безъ всякой помощи Вандамма; 2) Не воспользовался побѣдами подъ Бауценомъ

---

*) Къ Бородинскому полю Наполеонъ привелъ армію, болѣе чѣмъ на половину, растаявшую.

и Дрезденомъ; 3) далъ возможность бить по одиночкѣ своихъ маршаловъ Бергадоту и прусскимъ генераламъ, Йорку и Блюхеру; 4) наконецъ, принять неравный *упорный* бой съ болѣе многочисленнымъ противникомъ подъ Лейпцигомъ.

Гибельное заключеніе Лейпцигскаго боя, т. е. безнаказанное истребленіе и даже бойня несчастныхъ Французовъ, должно быть приписано лишь непредусмотрительности и недальновидности *великаго* полководца и больше ничему. Впрочемъ, и наказаніе за это. Наполеонъ получилъ вполнѣ соотвѣтственное: лишился трона и попалъ въ ссылку на островъ Ельбу.

* * *

При Ватерлоо, гдѣ рѣшалась окончательно его судьба, кажется, Наполеону должно бы было постараться и показать себя,—и что же! Опять цѣлый рядъ упущеній и ошибокъ!

Во первыхъ, передъ боемъ не сдѣлано было почти никакой рекогносцировки (черезъ что въ концѣ боя погибли *совершенно даромъ* цѣлые тысячи гвардейцевъ); во вторыхъ, вслѣдствіе неумѣстнаго употребленія артиллеріи или, вѣрнѣе сказать, слишкомъ позднаго надлежащаго пользованія ею, зря было положено масса пѣхоты и, наконецъ, въ концѣ боя, въ моментъ появленія Пруссаковъ, у Наполеона не оказалось. по моему, и юты вдохновенія *великаго* полководца.

Посылка жалкаго семитысячнаго отряда для задержанія приближающагося Блюхера съ его Пруссаками и принятіе черезъ это съ истощенными уже войсками боя на двѣ стороны есть рѣшеніе очень слабое, достойное самаго ординарнаго генерала, а вовсе не *великаго* полководца. Аннблаль, Цезарь, Тюреннь, Фрп-

дрихъ Великій и Суворовъ, узнавъ о приближеніи Пруссаковъ, навѣрное, до прихода ихъ, *поторопились* бы покончить съ Англичанами, пораженіе и истребленіе которыхъ уже начиналось. Однимъ словомъ, Наполеону слѣдовало собрать *все*, что было у него подъ рукою и броситься съ бѣшеной стремительностью на Англичанъ, обратить ихъ въ бѣгство, и истреблять и гнать ихъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтилась бы удобная позиція, на которой можно было бы остановиться для отпора Пруссакамъ,—со всей уже арміей. Тогда могла бы получиться въ своемъ родѣ картина—съ самымъ неожиданнымъ результатомъ. Блюхеръ съ своими усталыми и задыхающимися Пруссаками могъ броситься преслѣдоватъ Французовъ,—преслѣдующихъ и истребляющихъ Англичанъ,—и наконецъ догнать ихъ съ разстроеннымъ отъ усталости, своими войсками какъ разъ для того, чтобы получить, въ свою очередь, трепку отъ Французовъ. А, еслибы Наполеону удалось разбить Пруссаковъ и Англичанъ одновременно, еще неизвѣстно, чѣмъ бы окончилась вся кампанія 1815 года. Весьма возможно, что Наполеону удалось бы тогда удержать за собой и самый тронъ Франціи.

* * *

**

Вообще Наполеона, какъ полководца, можно сравнить съ заядлымъ и записнымъ карточнымъ игрокомъ. Играя въ началѣ „по маленькой“ и со слабыми игроками (кампаніи: 1796 года, въ Египтѣ, 1800, 1805 1806), ему удалось нажить состояніе и пріобрѣсти славу первокласснаго и искусеннаго игрока. Но, разъ началась игра „по крупной“ и приблизительно съ равными игроками, *игроцкое счастье, само собой разумевшееся*.

иметься, стало измѣняться възнавшемуся и избалованному игроку, вслѣдствіе чего началась необдуманная, нервная и несистематичная игра, и въ резульгатѣ — потеря всего состоянія, поставленнаго на нѣсколько картъ.

Бородино, Лейпцигъ и Ватерлоо — это три карты, когда Наполеонъ шелъ въ банкъ и проигралъ.

Валеріанъ Мопатинъ.

I. Сидлецъ 23 Іюля 1898 года.

БЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ

В. ЛОПАТИНА въ гор. Сѣдлецѣ.

находятся издания

ВАЛЕРИАНА ЛОПАТИНА:

- 1) „Патріотическая“ Хрестоматія З-е изд. 1898 г. Цѣна 60 к., съ пер. 80 коп.
- 2) Хрестоматія для дѣтей 2-ое изд. 1899 г. Цѣна 60 коп., съ пер. 80 коп.
- 3) Мысли по поводу труда Дрэпера: „Исторія умственного раз-витія Европы“ изд. 1896 г. Цѣна 15 коп., съ пер. 20 к.
- 4) Обыденная армейская жизнь: „Походъ мирнаго времени“ изд. 1896 г. Цѣна 25 коп., съ пер. 35 коп.

Комментаріи къ „Новымъ вѣяніямъ“ Георга Брандеса, изд. 1897 г. Цѣна 25 к., съ пер. 35 коп.

Изданія Н. С. АСКАРХАНОВА:

(какъ боенныя,танкъ чи обиція)

и многія другія.

Полный Каталогъ (съ подробнымъ содержаніемъ обѣихъ хрестоматій) высылается бесплатно.

Малыя суммы можно высыпать почт. марками.

Можно выписывать наложен. платежемъ.

Адресъ.

г. Сѣдлецъ, В. Лопатину.

